

О мистике масс в массовом обществе

Марк Найдорф¹

***Аннотация.** Статья посвящена феномену массы. Автор рассматривает свойства человеческих масс, условия массообразования и транзит обществ Нового времени на протяжении XX века в общества нового типа — Современной массовой культуры/цивилизации.*

***Ключевые слова:** массовое общество, кризис Нового времени, массовый дискурс, виртуальность масс, субъектность масс*

Явление масс и переход к массовому обществу

То, что основной формой современной цивилизации является массовое общество, осознается всё большим числом людей, особенно в последнее время, в эпоху массовой дигитализации, которая сделала наглядным для миллиардов пользователей социальных сетей особое свойство современности: связывать в соучастии большие человеческие множества на основе общих интересов в разных сферах жизни.

Это не означает, однако, что дигитализация «породила» массовое общество. Его формирование началось задолго до компьютеров. О том, что «наступающая эпоха будет поистине эрой масс» Гюстав Лебон², глядя в лицо кризису европейской цивилизации, написал еще в 1895 году.

Кризисное омассовление обществ по обе стороны Атлантики состояло в быстром утверждении новых обстоятельств и идей, которые побуждали к образованию анонимных человеческих агрегаций со слабыми внутренними связями между индивидами, но с небывалой раньше легкостью присоединения к ним³. Визуально это были толпы рабочих у ворот фабрики или манифестантов в центрах больших городов. Но массовыми становились также и невидимые общности, как, например, круг читателей газеты или постоянных посетителей универмага. Массовыми становились армии. Классическим примером массовидного коллектива может служить «смена» рабочих у конвейера, случайно составленная и временно ставшая общностью.

Фотография Дж. Айермана (1958)

Новое для общества, массовое, поведение проявлялось не только в политических требованиях, но и в расширении рынка товаров, зрелищ и услуг. Поэтому вхождение в эру масс пугало и радовало одновременно. Аморфность новых социальных образований грозила хаосом, их растущая мощь — утверждением социалистических идей. Социалисты стремились возглавить массы, соблазняя переустройством общества на основах равенства и справедливости. Капиталисты надеялись преуспеть, расширяя свой бизнес; они соблазняли массы образами национального единства и национально-государственного превосходства. И те, и другие стремились воспользоваться массами как новым ресурсом, и создавали понятный массам язык.

Из массово успешных дискурсов самыми мобилизующими оказались два — идеология социализма и идеология национал-шовинизма. Те, кто был предан этим идеологиям, могли чувствовать силу попутного исторического ветра: массы верили лозунгам, рвались к «новым временам». Массовые движения вдохновлялись требованиями, которые и сегодня не вызывают сомнений, например, введения демократической избирательной системы, социального страхования, равноправия женщин, законодательства об охране труда с 8-часовым рабочим днем и т.п.⁴ С другой стороны, все больше людей, оторванных индустриализацией от родных локальных общностей, тянулись к самой доступной из них — по праву рождения — национальной общности, принадлежность к которой сулила сразу и как бы в дар «safety, identity, belonging»⁵ и, сверх того, чувство национального превосходства, чувства, надо признать, для некоторых наших современников соблазнительного и сегодня.

Но был еще «язык культуры», в сущности, язык уходящей эпохи, на котором кризис осмысливался предельно обобщенно как время потерь: как «вырождение» интеллектуальной элиты (Макс Нордау)⁶ или как закономерный «закат Запада» (Освальд Шпенглер)⁷, как конфликт между обновляющейся живой жизнью и сковывающими ее надличными «культурными формами» (Георг Зиммель)⁸ и т.д., а иногда просто как растерянность образованного класса перед внедрением в «культурную» общественную жизнь необразованного сословия, «великого незнакомца» (Ростислав Сементковский)⁹.

Конечно, по прошествии времени, оба ведущих тогда мотива уже не кажутся такими обнадеживающими. Подобно тому как «достоинство по принадлежности» аристократов было связано с их обязанностью воевать (это именовалось «налогом кровью» — взамен налога имуществом у других сословий), так же и достоинство по принадлежности к нации оказалась неотделимым от военных жертв на полях Первой мировой войны. И нет нужды, вероятно, напоминать сейчас, во сколько обошлась массам их преданность социалистической идее.

Массы в Первой массовой войне и в межвоенное время

Первая мировая война завершила важный этап транскультурного перехода в направлении к массовой цивилизации. В воюющих армиях произошло небывалое сближение людей разных сословий и классов. Мучительная долгая война (поначалу массы встретили ее с ликованием) обнаружила для миллионов людей на фронтах и в тылу катастрофу привычных убеждений, опровергавшую уверенность в том, что людям естественно стремиться к свободе, руководствоваться разумом, и, особенно, разуверила в отношении морального прогресса человечества.

Во время войны самый решительный прогресс произошел в технике массового и безымянного уничтожения людей. Убийство, перепорученное машинам, бесчеловечно.

«Мировая война сыграла злую шутку с мышлением тех идеологов, которые собирались прославлять героев-воинов.

Ее подлинным субъектом оказался не герой в солдатской шинели, а великая военная машинерия».¹⁰

В то же время война научила политические элиты технике управления массами: мобилизация, национализация и вне рыночная экономика, системная цензура, пропаганда — термины из словаря Великой войны, обозначающие инструменты государственного насилия. В разной мере они вошли в политический инструментарий послевоенных массовых обществ.

В истории европейской мысли война заметно сдвинула основную рефлексивную позицию переходной эпохи: первоначальное осмысление масс

«извне» сменилось осмыслением «изнутри», в фокусе внимания «явление масс» уступило место явлению «массового человека», взятого вблизи. Несравнимо различные тексты одного времени — «Замок» Франца Кафки¹¹ (1922) и «Конармия» Исаака Бабеля¹² (1926) — имеют, однако, то общее, что их главные герои попадают в совершенно чуждую им среду и безуспешно пытаются стать в ней своими. Опыт каждого, по существу, это — антропологический этюд с «включенным наблюдением» над непонятной массовой жизнью, правила которой самими ее участниками только угадываются. В ней каждый человек на своем месте действует по своему усмотрению, но уверен, что исполняет суровые требования необходимости. Жизнь массового человека представляется наблюдателю одновременно личной и безличной, мучительной и беззаботной, вечной и сиюминутной, в каждую минуту понятной, но вообще-то необъяснимой — в этом зыбко неопределенном контексте.

Фотография — Нью-Йоркская биржа, «Каждый сам за себя» (1929)

Война повлекла за собой всплеск массовых движений в Европе и колониях — восстаний и революций, невиданных по массовости забастовок, — которые имели, вполне материальные причины: огромные военные потери, разрушение хода жизни, остановка военного производства, радикальное изменение международных экономических связей и, в то же время, чувство исторической правоты — то, что Лебон назвал наступившей «эпохой масс». Оно внушало участникам движений безоглядное вдохновение, «бурную боевую энергию масс» — в лексике революционеров.

Укрощение этой массовой стихии стало повсеместной задачей, которая решалась в разных странах сообразно собственным культурным особенностям. «Старые демократии» устояли ценой значительных уступок «массам». В России, Италии, Испании, Германии и некоторых других странах в конце концов

установились различные диктаторские режимы, непрерывно воспроизводившие поэтику и драматургию войны.

Затем, спустя всего нескольких лет «оттепели», в 1929 году наступил мировой экономический кризис (американское название — «Великая депрессия»), который вынудил правительства вновь обратиться к механизмам государственного регулирования в экономике: регламентации ценообразования, национализациям, разработке и внедрению государственных программ, систем социального обеспечения. С тех пор вмешательство государств в социально-экономические процессы стало рассматриваться как естественный и необходимый элемент управления, а не экстраординарное и временное исключение из правил. Понятно, что государства с тоталитарными формами правления с национализированной и по существу своему мобилизационной экономикой в период мирового кризиса выглядели более успешными. Послекризисное восстановление во многих странах растянулось почти до начала Второй мировой войны.

Конвейер Форда (1913)

Смена дискурса

Дискурсивный репертуар Второй мировой войны, был глубоко родственен тому, который определял способность участников Первой мировой понимать смысл происходящего. Представления о себе, своих целях, и о противнике и его целях, способность осознавать свои интересы и реконструировать мысль врага, причем, как лидерами стран, так и простыми гражданами — все это опиралось на те же мобилизационные модели: национально-государственную и

интернационально-социалистическую, представленные в целом ряде вариантов, включая, как известно, национализм с социализмом, взятых вместе. Это сродство двух войн, кстати, является сильным аргументом в пользу идеи о том, что обе составляли этапы одной Мировой войны XX века. Третий дискурс, мобилизационный ресурс которого в войну усилился, был дискурс защиты «культуры», которую противопоставляли «варварству» врага. Все три мироописательных подхода, надо заметить, происходили из XIX века, и были влиятельны еще и потому, что были хорошо освоены массовым сознанием.

Однако, в итоге Второй мировой войны оба эти принципа — национального эгоизма и коммунистического экспансионизма — были уличены в обосновании грандиозного мирового конфликта. Традиционный образ «культуры» в ее консервативном понимании (без модернистских новаций XX века) тоже терял свое влияние на массы, уже пристрастившиеся к китчу. Послевоенный мир нуждался в новом понимании прошлого, настоящего и будущего и уже вырабатывал его. Многозначительный пример происходившего дискурсивного поворота в массовой политике дал Уинстон Черчилль в известной Фултонской речи 5 марта 1946 года.¹³

Характерно, что он не использовал в ней целый комплекс привычных понятий Нового времени. Черчилль не говорил о «культуре» и «прогессе», и слово «нация» использовал лишь в сочетаниях «Лига наций» и «Организация Объединенных наций». И в этой речи нет вообще слова «борьба» — одного из ключевых в дискурсе Нового времени.¹⁴ Черчилль много говорит об угрозе войны и возможности мира, но уже не контексте эгоистических игр и ситуационных комбинаций в непрерывном противостоянии крупнейших наций-государств, а в оппозициях участников, субстанционально иной природы: «демократия vs. тирания», «коммунистические партии и их пятые колонны vs. христианская цивилизация», а также то, что он назвал «братским союзом англоязычных стран» ради «стабилизации мировой обстановки».

Основной адресат речи Черчилля — «миллионы людей», «рядовая семья», «бесчисленное множество домов, как частных, так и многоквартирных, обитатели которых, зарабатывая на жизнь наемным трудом, умудряются, несмотря на все превратности и трудности жизни, ограждать своих домочадцев от невзгод и лишений и воспитывать своих детей в духе почитания Бога, то есть в соответствии с теми высокими нравственными принципами, которые играют столь важную роль в жизни человека». Простой человек (массовый, один из миллионов себе подобных) не представлен здесь как объект мобилизации. Черчилль не вменяет ему долга — перед историей, нацией, классом или культурой. Напротив, основная называемая и общая цель — сделать так, «чтобы миллионы и миллионы людей, живущих в этих домах, действительно чувствовали себя в безопасности».

Эта новая риторика легла в основу дискурса дальнейшей холодной войны, понятой как противостояние «свободного мира» «тоталитарному», в

которой обе стороны говорили о своей приверженности «миру, благополучию и счастью человечества». Что бы реально ни делали две супердержавы и государства-участники противостоящих блоков, легитимными заявленными целями могли быть только эти.

Большое число как «имя» массы

Дискурс — это голос времени, он не может быть создан усилиями одного человека. Долговременный и исключительный эффект Фултонской речи состоял в том, что миллионы людей, которым в войну повезло остаться в живых, услышали в ней то, что хотели услышать. Черчилль был не создателем послевоенного взгляда на вещи, но как выдающийся политик, помог утвердиться новым представлениям о целях и ценностях. А когда представления созревают, они работают: образуют рамки и меняют условности.

«Наступит такое время, когда станет реальностью институт общего гражданства», — сказал еще Черчилль. Не приходится удивляться, что после двух войн мирового масштаба всемирное политическое пространство стало мыслиться бесспорно глобальным, т. е. состоящим из людей, которые, вопреки общеизвестным различиям — этническим, религиозным, расовым, национальным, гражданско-правовым, имущественным и т. д. — в чем-то важном сходны между собой. В чем-то, что раньше не имело значения. Послевоенный мир совершал антропологический поворот в сторону такого равенства, при котором обычный человек, где бы он не жил, и кем бы он не был, мог видеть себя в мире таких же как он сам. По сути вопрос состоял в новом критериальном подходе к базовой идентичности, о радикально ином основании мыслить себя человеком среди людей — по сравнению с тем, который считался естественным в минувшую эпоху.

Беженцы в Варшаве (1944)

Когда Черчилль говорил о миллионах людей, которые испытывают трудности с едой, переживают депортацию (послевоенное выселение немцев с территории Польши) или едины «в своей приверженности давним британским традициям, британскому образу жизни и делу сохранения мира между народами», он говорил о невообразимой реальности «миллионов», т. е. о реальности чисел. И таким же единственно возможным способом — абстрактными «миллионами» — мыслили историю последнего столетия те, кто слушал или читал его речь. С наступлением новейшей массовой эпохи появились новые субъекты общественного процесса — массы. О них приходится мыслить по-новому.

Реальность невообразимого

Десять миллионов погибших в Первую мировую войну, пятьдесят — во Вторую — это реальность особого рода. Речь идет о людях, которых в таком числе никто не может знать ни всех вместе, ни каждого в отдельности. Но они — реальность, реальность невообразимого, которое может быть представлено только числом. Другой пример — выборы. В XX веке в большинстве стран были введены выборы «всеобщие, тайные и равные», в которых воля масс представлена бескачественными числами участников голосования. И в массовом представлении это абстрактное арифметическое равенство считается самым справедливым.

Дух времени, дух массовой эпохи нашел себя в анонимности человеческих масс, представленных числами.

Число стало смысловым центром массового мировосприятия. Числом определяют в сводке новостей относительную значимость явлений: числом заболевших, числом умерших, числом посетивших, числом купивших и т. д. Числом продаж аргументируют достоинства книги. Преимущество одного президента перед другими оценивают показателями экономики. Артист считается лучшим тот, кто собирает более полные залы. Вариантом числового представления мира является также ранжирование и тестирование, поскольку градуирование даже «человеческих» шкал (например, в психологии и педагогике) строится на массовом охвате испытуемых.

Оказалось, что числовое представление реальности не зависит от точки наблюдения: «миллионы» — они те же, откуда ни смотри, и при любом индивидуальном опыте. Это анонимное равенство в силу массовости — это, по сути, революционный антропологический поворот. И он, возможно, равновелик повороту в миропредставлении в XVII веке, согласно которому всеобщность физических законов такова, что она исключает в мировом пространстве наличие «привилегированной точки», т.е. места для Бога.

Виртуальность масс

Масса — явление виртуальное по своей природе. Никто не может увидеть массу людей, от которых — в массе! — зависит что судьба страны, что мировая цена на кофе. Это только кажется, что цена кофе зависит от вариаций, сажем, погоды. Она растет из-за решимости очень многих неизвестных нам людей заплатить больше, чтобы не лишиться продукта.

Индивидуальное сознание собственной исключительности не противоречит принадлежности индивида к массе. Быть в массе - не обязательно следствие личного выбора. Каждый, кто продавал, «сбрасывал» свои акции на Нью-Йоркской бирже в конце октября 1929 года, делал это совершенно свободно, без принуждения, по собственной воле. Вместе они причинили начало Великой депрессии.

В массовом обществе индивид зависит от совместного поведения миллионов неизвестных, но подобных ему людей, причем, зависит способом, который в обычном случае скрыт от него самого. Масса образуется и становится могущественным субъектом публичного действия как бы сама по себе, так что последствия этих действий не могут быть вменены индивидам-участникам этой массы, поскольку ни один из них сам не мог бы, просто не в силах причинить или совершить то, на что способна масса людей — разных, неизвестных ему, но поступивших так же, как и он сам.

Проблема субъектности масс

Сейчас чаще проблема субъектности масс возникает в контексте исторической ответственности (вины) за деяния, описания которых задаются числом погибших. Масса погибших, например, в ходе систематических расстрелов или в Голодоморе в СССР сталинских времен такова, что смерти эти могли быть причинены только массой убийц и их пособников, большинство из которых действовали в индивидуальных обстоятельствах, но повторенных в массовом числе. И «четыре миллиона доносов», — о которых напоминал Сергей Довлатов,¹⁵ — были написаны в большинстве случаев «свободно, без принуждения, по собственной воле» и без сговора с другими доносчиками.

Но чаще субъектность масс оказывается позитивной. Массовое потребление движет массовую экономику во всех ее сферах. Массовые увлечения, например, любительским спортом, кулинарией или видео, формируют контуры современной культуры. Но тот, кто покупает кроссовки для «джоггинга» по доступной цене, может это сделать потому, что миллионы других людей, таких же как он, и независимо друг от друга делают то же самое.

Число людей, имеющих аккаунты в популярных социальных сетях, определяется миллиардами. Индивидуально, это — контур возможностей для

установления связей между индивидами, которые находятся в разных точках Земли. Но само существование такой возможности образуется массой — необозримой и невообразимой, но виртуально реальной — массой индивидов, которые хотят отправить свои сообщения в адрес анонимной и тоже численно неопределенной массы читателей. Мы не знаем, откуда это желание берется и как долго оно будет представляться самоочевидным, но оно и только оно является конечной причиной существования этих сетей общения.

Павел Филонов, Ударники (1935)

Мистика больших масс и их неодолимая субъектность — исторически новое обстоятельство, вынуждающее к перестройке основных элементов цивилизации — социокультурных институтов, предметного мира, технологий и языковых средств. Этот переход, а можно сказать, адаптация к новым условиям исторической реальности, составил основное содержание XX века. И этот процесс продолжается на наших глазах и с нашим участием.

Библиография:

Бабель, Исаак. *Конармия. Рассказы.* М., Правда, 1990.

Беньямин, Вальтер. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе.* М.: Медиум, 1996.

Вейдле, Владимир. *Умирание искусства.* М.: Республика, 2001.

Довлатов, Сергей. *Зона. Записки надзирателя.* М.: Азбука-Аттикус, 2013.

Канетти, Элиас. *Масса и власть.* М.: Ad Marginem, 1997.

- Кафка, Франц. *Замок. Роман*. М.: АСТ, 2010.
- Лебон, Густав. *Психология народов и масс*. СПб.: Макет, 1995.
- Московичи, Серж. *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
- Найдорф Марк. *Очерки современной массовой культуры*. Одесса: ВМВ, 2013.
- Нордау, Макс. *Вырождение*. М.: Республика, 1996.
- Ортега-и-Гассет, Хосе. *Восстание масс*. М.: АСТ, 2002.
- Слоттердайк, Петер. *Критика цинического разума*. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009.
- Тард, Габриэль. *Общественное мнение и толпа*. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Черчилль, Уинстон. *Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля*. М.: Альпина, 2014.
- Шпенглер, Освальд. *Закат Европы*. М.: Мысль, 1998.

Сноски:

- ¹ Марк Исаакович Найдорф — канд. филос. н., доцент. Научные интересы: теория культуры, современная массовая культура, история и теория музыкальной культуры. Работал в должности доцента кафедры культурологии Одесского национального политехнического университета. Книги и статьи М. И. Найдорфа размещены на авторском сайте (<https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/>).
- ² Лебон, Густав, *Психология народов и масс* (СПб.: Макет, 1995), 85.
- ³ О неотвратимости наступления эпохи массовой цивилизации см.: Марк Исаакович Найдорф. *Очерки современной массовой культуры* (Одесса:ВМВ, 2013), (<https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/mass-culture>).
- ⁴ См. напр., Эрфуртскую программу немецких социал-демократов 1891 года (<https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/127/124.htm>).
- ⁵ Безопасность, идентичность, принадлежность (англ.)
- ⁶ Макс Нордау. *Вырождение* (М.: Республика, 1995).
- ⁷ Освальд Шпенглер. *Закат Европы* (М.: Мысль, 1998).
- ⁸ Георг Зиммель. *Конфликт современной культуры в Культурология. XX век Антология* (М.: Юристь, 1995), 378.
- ⁹ См., напр.: Ростислав Сементковский, «Назад или вперед?». В Нордау М. «Вырождение» (М.: Республика, 1995), 6.
- ¹⁰ Петер Слоттердайк. *Критика цинического разума* (Екатеринбург: У-Фактория, М.:АСТ, 2009), 644.
- ¹¹ Франц Кафка. *Замок. Роман* (М.: АСТ, 2010).
- ¹² Исаак Бабель. *Конармия. Сборник рассказов* (М., Правда, 1990).
- ¹³ Фултонская речь (англ. Sineews of Pease) была произнесена 5 марта 1946 года Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в г. Фултоне, штат Миссури, США (<https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html>).
- ¹⁴ Карл Маркс, например, в анкете написал: «Ваше представление о счастье. – Борьба». И он не имел в виду спорт.
- ¹⁵ Сергей Довлатов. *Зона. Записки надзирателя* (М.: Азбука-Аттикус, 2013).